

КОНТРОВЕРЗА МОСКВА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В ЗЕРКАЛЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ОРФОГРАФИИ¹

Александр КРАВЕЦКИЙ, Москва, Россия

Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН

Аннотация. В статье описывается разница между орфографическими и текстологическими принципами, на которые ориентировались Московская и Санкт-Петербургская синодальные типографии при редактировании богослужебных книг. Поскольку эти типографии обладали исключительным правом издания богослужебных текстов и текстов Священного Писания в пересмотренном виде, именно эти два учреждения определяли стандарт церковнославянского языка XIX – нач. XX века. При этом Московская типография стремилась сохранить исторически сложившиеся нормы, а Санкт-Петербургская видела свою задачу в грамматической и текстологической унификации церковнославянских текстов.

Ключевые слова: церковнославянский язык, книжная справа, норма, орфография, синодальные типографии.

Для русской культуры последних трехсот лет противопоставление Москвы и Санкт-Петербурга является одной из сквозных тем. Имена двух столиц присутствуют в названиях литературных направлений, художественных группировок, научных школ и т. д. Одному из аспектов этого противостояния – противопоставлению орфографических норм Московской и Санкт-Петербургской синодальных типографий – посвящена настоящая работа.

I.

Прежде чем обратиться к предмету настоящей работы, следует сказать несколько слов о причинах, побудивших нас рассматривать проблемы церковнославянского языка в рамках конференции, посвященной проблемам синхронной лингвистики. Дело в том, что так называемый “новоцерковнославянский язык”, богослужебный язык

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ 07-04-00359а

Русской (и ряда славянских) православных церквей XVIII–XX вв., можно с одинаковыми основаниями изучать и в рамках истории славянских языков, и в рамках проблематики современного русского языка. С точки зрения функционирования церковнославянский язык нельзя рассматривать как язык мертвый. Существенная часть церковнославянских текстов продолжают функционировать так же, как они функционировали и непосредственно после их создания. Если при чтении, например, летописей для читателя всегда остается существенным то, что это памятник, относящийся к определенной эпохе, то для верующего, который читает Псалтирь или Молитвослов, время создания этих текстов, оказывается несущественным. Он читает *современные* книги, принятые в церковной практике.

Подобно текстам, являющимся частью современной культуры, церковнославянские тексты могут становиться объектом оценки со стороны тех, кто их читает или слышит. Любопытно было бы попытаться обозначить те позиции, относительно которых в современном обществе приходится слышать оценочные характеристики церковнославянских текстов.

– *Понятно / непонятно*. Эта позиция не нуждается в специальных комментариях, так как она достаточно широко обсуждается в связи со спорами о возможности богослужения на современном русском языке².

– *Талантливо / бездарно*. Оценивать качество богослужебных текстов вроде бы не принято. Единственным жанром церковнославянской письменности, по отношению к которому нередко можно услышать негативную характеристику, являются акафисты. Это связано как с широким распространением акафистов, так и с наличием в ряде текстов бросающихся в глаза смысловых и грамматических ошибок. Резкие характеристики акафистов можно найти в церковной публицистике и услышать в частных беседах³. Спорадически объектом оценочных суждений становится и “классические” церковнославянские тексты⁴. Так, например, в “Литургических замет-

² См.: Кравецкий и Плетнева. – 2001: 41–73; Балашов. – 2001: 23–170; Язык Церкви I–III; Богослужебный язык. – 1999.

³ Подборку церковных анекдотов, связанных с акафистами см. (Ардов. – 1995: 105–108).

⁴ Некоторые претензии, высказываемые церковными публицистами начала XX века по отношению к конкретным богослужебным текстам см. (Балашов, 2001: 398–404).

ках” священника Сергия Желудкова одна из триодных стихир, составленная византийским императором Львом Мудрым, характеризуется как безвкусная и бездарная: «Как же это бездарно, какая искусственная манера обращения во втором лице – едва ли не поучение Христу от автора» (Желудков, 2004: 93) и т. д. Однако подобные характеристики текстов, входящих в основной корпус богослужебных книг, являются все же исключением, а не правилом.

– *Благозвучно / неблагозвучно*. Наиболее часто оценочные суждения появляются при характеристике манеры чтения или пения. На невнятное чтение или светскую концертную манеру пения обращают внимания многие верующие. Практики разных храмов в этом отношении заметно различаются. Крайними полюсами здесь являются, с одной стороны, попытки сблизить литургическое произношение с литературным, а с другой – следование одному из вариантов старообрядческого церковного чтения. Каждая из этих практик имеет своих сторонников и противников. А значит, особенности звучащего облика церковнославянского текста оказываются неплохо отрефлексированными⁵. Обсуждение особенностей чтения и пения можно слышать достаточно часто.

– *Грамотно / безграмотно*. Людей, способных оценить орфографические или грамматические особенности конкретных церковных изданий, всегда немного. И практически все они являются или филологами, или сотрудниками издательств, специализирующихся на выпуске богослужебных книг. Именно поэтому споры о грамматике или орфографии являются наиболее содержательными: профессиональный уровень спорящих здесь достаточно высок. В XVIII – начале XX века материалы полемик о языковой *правильности / неправильности* церковных книг не публиковались. Однако подобные материалы, имеющие форму служебной переписки, представляют большой интерес. Сотрудники синодальных типографий имели возможность влиять на орфографический и грамматический облик издаваемых книг.

⁵ Жалобы на «неправильное» чтение не являются чем-то новым. После того, как в середине XVII века в Московскую Русь пересхало значительное число священников-выходцев из Юго-Западной Руси, многие московские деятели стали высказывать свое неудовольствие непривычной манерой чтения и пения. Подробнее об этом см. (Успенский. – 1987:295-301).

II.

В архиве Московской синодальной типографии нам удалось обнаружить несколько архивных дел, относящихся к концу XIX века и содержащих материалы полемики между Московской и Санкт-Петербургской синодальными типографиями. Согласно российским законам, только эти типографии обладали правом выпускать пересмотренные или исправленные версии богослужебных книг (Кравецкий и Плетнева, 2001: 19-21). Поэтому можно сказать, что в XVIII – начале XX века именно эти два центра определяли орфографическую, языковую и текстологическую норму тех книг, которыми пользовалась Православная церковь. При этом и Московская, и Санкт-Петербургская типография пытались превратить свои внутренние нормы в общенациональные.

Дополнительный интерес обнаруженным материалам придают личности главных справщиков обеих типографий. В эти годы правильные палаты Московской и Санкт-Петербургской типографий возглавляли люди, имевшие прекрасную филологическую подготовку и способные адекватно описать принципы своей работы⁶. Главным справщиком Санкт-Петербургской типографии был Петр Андреевич Гильтебрандт⁷ (1840–1905) – археограф, автор до сих пор не потерявших значения словарей к славянскому тексту Нового Завета и Псалтыри. А старший справщик Московской синодальной типографии Михаил Васильевич Никольский (1848—1917) был востоковедом, библеистом, родоначальником российской ассириологии, издателем шумерских и ассирийских текстов.

III.

Характеризуя позиции Московской и Санкт-Петербургской синодальных типографий, мы остановимся на трех проблемах, вызывавших ожесточенные споры.

a) Употребление прописных / строчных букв. Если в изданиях Санкт-Петербургской типографии собственные имена и *nomina sacra* писались с прописной буквы, то московские издания использовали прописные буквы только в начале предложений. При этом имена собственные писались со строчной буквы, а в качестве знака, выде-

⁶ Архивные материалы, содержащие переписку М.В.Никольского и П.А.Гильтебрандта, в настоящее время готовятся к публикации. См.: Кравецкий. В печати.

⁷ См. (ЛАФ I: 181)

ляющего помина sacra, использовался знак титла⁸. В сохранившейся переписке двух типографий сторонники петербургской нормы, апеллируя к правилам гражданской орфографии, утверждали, что писать слово Бог со строчной буквы невежливо, на что сторонники московской нормы замечали, что невежливым является и принятос в молитвах обращение к Богу на ты.

Можно сказать, что Московская типография защищала вариант, опирающийся на традицию церковнославянского книгопечатания, а Санкт-Петербургская предлагала вариант вполне логичный, но не имеющей за собой традиции. Спор об употреблении прописных / строчных букв в книгах церковной печати имел практический результат, что в подобных полемиках бывало нечасто. В 1888 году Синод издал специальный указ (Соколов, 1907: 7), объявивший московскую норму единственно допустимой. Правда, церковнославянские издания с прописными буквами появлялись и после этого указа.

б) Использование антистихов. Среди претензий, которые Санкт-Петербургская типография предъявляла Московской, значительное место занимают обвинения в том, что московские издания непоследовательно проводят принцип антистиха для различения омонимичных грамматических форм.

Грамматики церковнославянского языка называли антистихами использование дуплетных букв и диакритических знаков для различения лексических и грамматических омонимов⁹. Классическим примером антистиха является правописание слова язык, которое в значении в значении ‘орган речи’, ‘речь’ пишется с юсом малым (ѧзыкъ), а в значении ‘народ’ – с а-йотированным (ѧзықъ). Точно так же слово рабъ пишется с острым ударением, если это единственное число, именительный падеж и с облеченным ударением – рабъ, если

⁸ В связи с этим следует отметить, что и в текстах, написанных на русском языке, не было традиции писать с прописной буквы тех слов, которые в церковнославянских книгах писались под титлом. В середине XIX века с прописной буквы писали названия месяцев или чиновничьи должности, а, например, слово ангел писалось со строчной буквы. К этому следует добавить, что правила употребления прописных-строчных букв не носили общебязательного характера. В классической грамматике Я.К.Грота содержится специальная оговорка, что “правилам об употреблении больших букв не следует придавать слишком много значения, тем более, что невозможно дать точных указаний на все встречающиеся случаи” (Грот. – 1888: 87–88).

⁹ См.: (ПЭ II. 549–553; Плетнева, 1992: 114–123).

это родительный множественного. Или же *плодъ* (и. ед.) пишется в корне с о-микрон, а *плодъ* (р. мн.) – с омегой.

Эти правила были описаны еще в грамматике Мелетия Смотрицкого (1618), однако последовательно они не применялись вплоть до последней четверти XIX века, когда Петербургская типография предприняла попытку выдерживать все предписанные грамматикой противопоставления. Этот эксперимент вызвал протест Московской типографии. Защищая позицию своей типографии, М.В. Никольский указывал на то, что общеизвестные правила различения «подобозвучных» форм никогда не проводились последовательно. Дуплетные буквы использовались лишь в тех случаях, когда было возможно непонимание. А в тех случаях, когда омонимичная форма прилагательного стояла рядом с существительным, с которым она согласована, специальные средства для устраниния омонимии, как правило, не употреблялись. Последовательное применение принципа антистиха М.В. Никольский считал нововведением и разрушением традиции.

в) Пунктуация. Пунктуация книг церковной печати сильно отличается от русской¹⁰. Если в русском литературном языке пунктуационные знаки указывают на смысловое членение предложения, то церковнославянская пунктуация ориентирована на чтение текста вслух. Человеку, привыкшему к правилам русской пунктуации, расположение знаков препинания в книгах церковной печати казалась очень странной и Санкт-Петербургская синодальная типография стала предпринимать попытки сблизить церковнославянскую пунктуацию с русской. Сближения сводились к последовательному выделению запятыми обращений (звательных форм). Эти изменения вызвали категорический протест со стороны Московской типографии. М.В. Никольский писал: «Нужно вообще заметить, что пунк-

¹⁰ Некоторые церковнославянские пунктуационные знаки имеют значения, отличные от русских. Например, в церковнославянском точка с запятой указывает на вопросительную интонацию, то есть выполняет функцию, которую в современной русской орфографии выполняет знак вопроса. А вместо точки с запятой – используется малая точка – пунктуационный знак, не отличающийся графически от обычной точки, однако он не указывает на конец предложения и после него употребляется строчная буква. Эти особенности церковнославянской пунктуации считали единственно возможными и Московская, и Петербургская синодальные типографии.

туация церковных книг тем отличается от гражданской, что она основывается скорее на мелодических, чем на грамматических началах; знаки ставятся не ради различия частей речи в интересах лучшего понимания, а скорее ради указания остановок при чтении». (Дело о составлении. 27об. – 28; Кравецкий. В печати.) Употребление запятой перед звательной формой является, по мнению московского справщика, серьезной помехой для чтеца, привыкшего делать паузу на запятых. В качестве иллюстрации он приводит пример из Учебного октоиха:

Привычный текст:	Исправленный текст ¹¹
<i>Честны́мъ Твоимъ крестомъ Христе, діавола посрамилъ еси, и воскресенiemъ Твоимъ, жало грѣховное притупить еси...</i>	<i>Честны́мъ Твоимъ крестомъ, Христе, діавола посрамилъ еси и воскресенiemъ Твоимъ жало грѣховное притупить еси,</i>

Церковный чтец, привыкший видеть в запятой указание на цезуру, испытывал при чтении исправленного текста большие затруднения.

IV

Материалы дискуссий между Московской и Петербургской типографиями позволяют сформулировать общие принципы работы справщиков этих типографий над церковнославянскими текстами:

– *Московская типография* позиционировала себя как хранительница традиций церковного книгопечатания. Для этого у нее имелись определенные основания. Она была преемницей и продолжательницей Московского печатного двора. Ее библиотека отражала всю историю церковнославянского книгопечатания. В частности, здесь хранились корректурные экземпляры, по которым было возможно проследить историю появления тех или иных языковых или текстовых особенностей библейских и богослужебных книг. Наличие подобной библиотеки давало московским справщикам возможность решать задачу сохранения существующей редакции, с присущими ей особенностями.

– *Санкт-Петербургская типография* относилась к традиции более либерально. Здесь не было подсобных материалов, дающих типографским справщикам возможность проследить особенности

¹¹ (Учебный октоих 1891: 40).

конкретных редакций. Это имело не только минусы, но и определенные плюсы. Недостаток исторической информации позволял справщикам встать над материалом, и, абстрагировавшись от истории появления конкретных редакций, заняться выработкой общих принципов орфографической и текстологической унификации книг.

Сохранившиеся служебные записки П.А. Гильтебрандта и М. В. Никольского показывают, что главные справщики обеих типографий прекрасно осознавали эту разницу. «Разница между петербургским и московским изданиями в написании некоторых слов и в употреблении надстрочных знаков, – писал П.А.Гильтебрандт К. И. Победоносцеву, – объясняется разностью систем, принятых правильными палатами при печатании этих изданий, и разностью источников, которыми они пользовались при редактировании славянского текста. Если в Москве, по-видимому, стремились быть по возможности ближе к тексту Елизаветинской Библии, то петербургская правильная палата старалась довести до конца систему, основания для которой были положены еще в начале XVII в. Мелетием Смотрицким, которая постепенно развивалась в изданиях Киевской, Почаевской и Петербургской печати и проникла и в очень многие из московских изданий; она старалась также быть последовательною самой себе и заботилась о том, чтобы одни и те же формы славянского языка не употреблялись в одном месте правильно, а в другом неправильно» (Дело о составлении: 40об.; Кравецкий. В печати). В свою очередь, М.В.Никольский, характеризуя общие принципы работы Петербургской типографии, указывал на то, что петербургские справщики, стремясь вернуть в церковнославянский язык «правильные» с их точки зрения формы, ввели массу инноваций, результатом чего стало появление новой редакции. “Справщикам Московской типографии, – писал М.В.Никольский, – хорошо известно, что в настоящее время имеется две редакции славянского текста Нового завета, одна – принятая в напрестольном Евангелие и церковных книгах, другая – в полном издании Библии и в отдельных изданиях Нового Завета для народного (нецерковного) употребления. Последняя редакция представляет текст, исправленный в царствование Елизаветы Петровны и в первый раз изданный в 1751 году” (Дело о составлении: 29об. – 30). Именно по этой причине Московская типография не исправляла служебного евангельского текста по тексту, предназначенному для домашнего чтения, и наоборот. Внесение вариантов, принадлежащих иной редакции, М.В.Никольский считал

совершенно недопустимым. Характеризуя петербургское издание Библии, осуществленное в 1891 году, М.В.Никольский не без иронии пишет, что оно принадлежит к “новопетербургской” редакции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ардов 1995.* – Ардов М., прот. Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. М., 1995.
2. *Балашов 2001.* – Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. – М., 2001.
3. *Богослужебный язык* – Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. – М., 1999.
4. *Гром 1888* – Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго Отделения Императорской Академии наук академиком Я.К.Громом. Издание 7. – СПб., 1888.
5. *Дело о составлении.* – Дело Конторы МСТ о составлении Старшим справщиком М.В.Никольским совместно с его помощниками записки по поводу записи справщика СПб синодальной типографии П.А.Гильтебрандта “Главные основания, коими руководствуется Правильная Палата СПб Типографии при редактировании славянских синодальных изданий. – Российский Государственный архив древних актов (РГАДА) ф. 1184 оп. 3 (1892), № 43.
6. *Желудков 2004.* – Желудков С., свящ. Литургические заметки. – М., 2004.
7. *Кравецкий. В печати.* – Кравецкий А.Г., Лингвистические и текстологические стандарты синодальных типографий. // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка <2007–2008>. – М., 2008 (в печати)
8. *Кравецкий и Плетнева 2001.* – Кравецкий А.Г., Плетнева А.Г.. История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX вв.). – М., 2001.
9. *ЛАФ I–III* – Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Вып. 1–3. – М., 1962–1980.
10. *Плетнева 1992* – Плетнева А.А. Графико-орфографическая система церковнославянского языка // Советское славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 105–127.
11. *ПЭ I–XV* – Православная энциклопедия. – М., 2000–2007. – Т. I–15.
12. *Соколов 1907* – Соколов Д.Д. Справочная книжка по церковнославянскому правописанию. – СПб., 1907.
13. *Успенский 1987* – Успенский Б.А.. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – Мюнхен, 1987.
14. *Учебный октоих 1891.* – Октоих, сиречь осмогласник. Учебный. Обдергай воскресную службу осми гласов. Издание Училищного при Святейшем Синоде совета. – СПб., 1891.
15. *Язык Церкви I–III.* – Язык Церкви. Сборник 1–3. – М., 1997–2004.

Національна академія наук України
Український мовно-інформаційний фонд
Таировський національний університет
ім. В. І. Вернадського

Інститут русского языка им. В. В. Виноградова РАН

ПРИКЛАДНА ЛІНГВІСТИКА ТА ЛІНГВІСТИЧНІ ТЕХНОЛОГІЇ

MEGALING-2007

Збірник наукових праць

Київ
Видавництво «Довіра»
2008